

СКВОЗЬ БЕЗРАЗЛИЧИЕ МИРА...

* * *

«Какое счастье умирать в Париже,
в больнице, в бедности, в мученьях... Смерть
есть смерть. Но все-таки: какое,
должно быть, счастье умирать в Париже,
в больнице, не в бараке, на матрасе,

не на вагонке». Я же смотрю на эти огромные
облака, проплывающие над миром,
эти площади, разбежавшиеся булыжником,
эти статуи на мосту. Я живу здесь.
Здесь, в Европе, в послесловии к прошлому.

Еще тени их проходят сквозь синее утро,
еще гул их прогулок медлит под этими сводами,
еще шепчет щебень о них в этих парках,
течение рек продолжает их строки.
И ангелы улетают сквозь провода,

и сливки бискайских волн бьются в вафельный берег,
и дубы, и ясени шумят о загнанных, изгнанных.
Я обязан им всем, я бы не был, не будь их.
Никто не гнал меня, я сам выбрал это
движение во времени, приближение к небывшему.

Потому что все, никогда не кончаясь, закончилось.
И ясно видишь, глядя на облака и на площади,
как все соборы Европы, все ратуши,
все колонны сходятся, очень медленно, к гавани,
готовясь к отплытию, начиная другую историю.

* * *

Свернуть с автострады, заехать в какой-нибудь маленький
город, где-нибудь во Франконии:
с дворцом и парком, пустынными улицами,
группой разноцветных велосипедистов на площади перед церковью;

прочитать на сером обелиске имена погибших во время
первой и второй войны; заглянуть,

на мгновение, в местный
музей с черепками, доспехами, портретом маркграфа;

зайти в кафе, где с пятидесятих
годов ничего, конечно, не изменилось,
выпить (очень плохой, очень кислый) кофе, съесть пирог,

к примеру, с рабарбарой, записать эти строки.
Какая печаль и какая заброшенность.
Какое спокойствие. Как не хочется умирать.

* * *

Исторические события я мог наблюдать из окна.
Я видел танки и демонстрации, крушение империи.
К вечеру, когда все затихало, оранжевым блеском
отсвечивал мокрый асфальт

и появлялись внезапные звезды. Я оставил все это без
сожаленья, чтобы здесь, среди шпилей и башен
(dans la forêt de symboles)* смотреть в прозрачное небо
времени, убежав от судьбы.

АРКА СЕПТИМИЯ СЕВЕРА

Выходя из камня и снова
уходя в него – кто они?
Они идут, не двигаясь. Американцы,
японцы окружают их, каждый
день, сменяющейся толпой,
голосами мира, в котором

их нет, не может быть, щёлком
фотокамер. Кто они? Выходя
из камня, они идут, не двигаясь, друг
за другом, огибая угол, не глядя
на наши джинсы. Немецкая
экскурсоводша с рюкзаком и в очках

рассказывает шумно скучающим
школьникам о парфянах. Вот этот,
бородатый и толстогубый, с младенцем
в больших руках и вон тот,
кудрявый, грустный – кто они? Палатин
поднимает вдали свои пинии, синий

день стоит вокруг, удивляясь
себе и Риму. Уже никто, они просто
есть, вот сейчас. Они уходят обратно
в камень, как слова в молчанье, как эти
туристы каждый в свою
единственную, непонятную жизнь.

* в лесу символов, франц. – прим. редакции

* * *

Среди моих персонажей есть тот, кто стремится сделать – почти неважно что именно, но сделать, суметь и добиться.

Он смотрит в будущее, он решает свои задачи.

«Пускай земные. И пускай даже все *sub specie aeternitatis** бессмысленно, но я это сделал, и то еще сделаю. Я не буду стоять на обочине,

провожая взглядом идущих, под безжалостным небом». И есть, среди моих персонажей, тот, кто смотрит на воды и ветки, повторенные в них, пятна солнца и снега в аллеях парка (который всегда – в нем). Не стремясь к успеху, не страшась неудачи, не участвуя в гонке и не зная обиды, он может быть печален, но втайне он счастлив. Огромный

день неподвижен за окнами. Они сидят среди прочих моих персонажей. (Тот, кто плачет о прошлом, сидит между ними, и тот, кто просит любви, рядом с первым, тот, кто любит сам, недалеко от второго). Оставляя их всех, я выхожу наружу. Пространство слов и строк лежит предо мною с безмолвными городами на горизонте, садами и башнями, чистым светом, сверкающим в стеклах.

* * *

Сквозь безразличие мира стихи
проходят, как мы сквозь
город, в котором
у нас нет ни знакомых, ни даже
воспоминаний.

Деревья не шумят нам навстречу,
и пригоршни солнца не нам
бросают окна. Никто
не видит в нас нас
самих. Мы не знаем,

зачем мы здесь, но мы здесь.
Мы сидим в кафе на площади или
в саду, на леопардовой шкуре
скамейки. Стихи
сквозь безразличие мира

проходят крадучись. Их
следы остаются в нем, как вот эти
большие чьи-то
следы на песке среди
оберток, окурков.

* * *

Всегда очень прямо – и даже
склоненные ветром – стоят

* с точки зрения вечности, лат. – прим. редакции

деревья. Так прямо, как мы
хотели бы, как мы очень редко

стоим перед ними, перед
тем, что за ними, вокруг них,
вокруг нас. Знаешь, здесь без тебя
ничего, в общем, нового. Осень

уже кончается, уже только белые
шарики на черных ветках, но снега
еще нет. Все раскрыто
настежь. И так же

прямо, склоненные ветром,
стоят деревья. Так прямо, как мне
не выстоять перед этой,
огромной, без тебя, пустотой.

ВСТРЕЧА

Целый день мы ходили по городу, просто так,
продлевая волненье. «Я люблю это зверское
в человеке. Знаешь, быстро, в подъезде,
с кем-нибудь». Или в парке, со мной. За деревьями
была автострада, укрывавшая нас своим грохотом,

было желтое пламя над кронами. Посреди
ночи я думал, что жизнь распадается на чужие
комнаты, годы, на страсть и на близость
старости, на губы, груди и... что же? снова
проснувшись... подушки, простыни, волосы,

на контуры комнат, на чужие мечты, в которых
ты теряешься, по которым блуждаешь, нащупывая
угол шкафа, выключатель у двери
в ванную, где над расческами, щетками,
теньями для глаз, чернилами для ресниц,

под звук воды, упавшей в раковину, так ясно
видишь все это, время, уводящее тебя прочь
от тебя же, усталость, недостижимость
счастья. Из тусклого зеркала – мой отец
посмотрел в ту ночь на меня.

ФОНТАН

Большеголовые дети, застывшие у воды.
На площади, всегда пустынной, огромной
и полукруглой (бульжник, кариатиды).

Они играют (или делают вид, что играют)
с лягушкой, ракушкой, рыбкой.
Их шестеро. Они каменные.

Только один из них, цапнутый раком,
смотрит на небо, к небу же
воздевши пухлую руку.

Все прочие смотрят тебе прямо в лицо.
Ты обходишь их по часовой или против
часовой стрелки. Обходишь еще раз.

Они смотрят на тебя исподлобья,
из-под круто-выпуклых лбов, пятен мха.
Они смотрят не отрываясь. Не видят.

Вода за ними, падая, плещет. Блики
пробегают по тебе и по ним.
Они сидят неподвижно.

Я ловил бычков в пруду, ловил головастиков,
ловил лягушек (зачем?). Запах дыма
мешался с запахом сумерек,

травы и тины. Ничего не меняется. Седьмой
сидит внутри меня, так же
неподвижно, как эти шестеро.

Так много снега, как снега только
бывает много. Сплошные
сугробы, сумерки, отсветы на снегу.

Как полыхает все это, стены, крыши.
Как снег краснеет, синеет, тает.
Прийти домой и, зажегши лампу,

читать сливающийся со снежным
мерцаньем рассказ о давних
бунтах и казнях. Никто не спросит,

что ты читаешь. Все неизвестно
куда ушли. И ты сам уходишь
по этим строкам, еще не зная,

в свои одиннадцать лет, что так и
будет потом всю жизнь, что дальше
и дальше будешь ты уходить куда-то

и от чего-то. Над колокольной
кричит ворона, выходят люди.
Так много снега, как снега только

бывает много. Скрипят ворота.
Выходят люди, проходят тени.
Все повторяется, сны и казни.

Как долго едем мы, все мы едем.
Не много правды, но много злобы.
Небось, доедем, не зарекайся.

Доносы, пытки, стрельцы и страхи.
Краснеет снег и краснеет небо.
Стрельцы и страхи, костры и плети.

В Голландии верфи, каналы, грахты.
В Вестфалии города и замки.
Я никогда не вернусь обратно.

В зеркало видишь женщину за рулем
“фольксвагена“, с освещенным и грубым
подбородком, исчезающими в тени
глазами. Приближаешься к светофору,
нажимаешь на газ, на тормоз. Громады
облаков восстают друг на друга над белой
и плоской фабрикой, автомобильными
мастерскими, некошеною лужайкой, где тоже
белые (уже) одуванчики убегают, еще не
облетая, неизвестно куда, по блестящей,
как вода на солнце, траве. Мгновенье
твоей жизни, одно из единственных.
Тыходишь в него, как в чьем-то
рассказе мальчик, вошедший в картину,
не возвратившийся. Оно длится, растягиваясь,
границы его отступают. Оно больше
(ты знаешь) облаков и времени. Ты
в нем дома. Вдруг женщина улыбается
и машет рукой кому-то на улице, вот
этому, в джинсах, тот кивает ей, светофор
зеленеет, все едет, все движется,
заканчивается, закончилось. Радио
продолжает свой рассказ о погоде,
дорожных пробках, парламентских выборах.
Не заканчивается (говорил мне один мой
не возвратившийся из картины знакомый)
ничего, никогда.